

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 1994 г., ЭО, № 3

Е. А. Барышева

РУМЯНЦЕВСКИЙ КРУЖОК И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

«Дай Бог... чтобы я до такой степени порадел и старался о всем том, что прибавить может большое богатство к сведениям о российских древностях, чтобы время сие прослыло навсегда Румянцовой эпохой. Что свыше сего воздаяния? Лишь бы его по истине заслужить».

Н. П. Румянцев¹

Бурные события во внутренней и внешнеполитической жизни России в конце XVIII — начале XIX вв., и в первую очередь победа в Отечественной войне 1812 г., вызвали, по замечанию В. О. Ключевского, «необычайное политическое и нравственное возбуждение в обществе»².

Подъем национального самосознания ознаменовался быстрым ростом общественного интереса к отечественной и зарубежной истории, культуре и быту своего народа. Стремление к изучению «родной действительности»³ еще более усилилось в связи с выходом в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Наряду с этим возросло понимание необходимости расширения источниковедческой базы гуманитарных исследований, в том числе и за счет привлечения этнографического материала.

Вместе с государственными научными учреждениями (Петербургская Кунсткамера, Общество истории и древностей российских при Московском университете. Публичная библиотека)⁴ публикацией и изучением разнообразных источников как по истории России, так и по истории народов, проживающих на ее территории, начали заниматься кружки и общества, среди которых видное место принадлежало кружку, возглавлявшемуся государственным канцлером, графом Н. П. Румянцевым.

Н. П. Румянцев (1754—1826) родился в семье прославленного полководца, фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Получив домашнее воспитание, Румянцев в девять лет был зачислен на военную службу, в девятнадцать стал камер-пажом двора Екатерины II. В 1774 г. для продолжения образования он вместе с братом С. П. Румянцевым отправился в Лейденский университет, где прослушал курс истории права; затем много путешествовал по европейским странам. В 1779—1795 гг. выполнял различные дипломатические поручения в Западной Европе. Возвратившись в Россию в 1795 г. Румянцев получил почетное звание сенатора и стал членом нескольких правительственных комитетов по экономическим вопросам.

С приходом к власти Александра I начинается стремительный взлет карьеры Румянцева. В 1802 г. он назначается «главным директором водяных коммуникаций и экспедиции об устройении дорог в России», а вскоре и министром коммерции. Находясь на этих постах, он предпринимает целый ряд мер, направ-

Н. П. Румянцев. Фотография с картины Д. Доу

ленных на выдвижение России в число ведущих стран мира. В 1807 г. (после участия в заключении Тильзитского мирного договора) Румянцев становится руководителем Министерства иностранных дел, сохраняя за собой прежнюю должность. В 1809 г. за успешное заключение Фридрихсгамского мира со Швецией и присоединение Финляндии к России получает звание Государственного канцлера, спустя год назначается председателем Государственного Совета.

Крах реформаторских планов правительства Александра I, события 1812 г. предопределяют опалу Румянцева и его постепенное отстранение от дел ⁵.

В 1814 г. Румянцев уходит в отставку с пожизненным званием государственного канцлера и через двенадцать лет умирает.

Со времени ухода в отставку Румянцев предстает перед нами в совершенно ином свете. Отныне главные направления его деятельности — организация и финансирование разнообразных научных проектов; именно с этого периода можно говорить о Румянцеве-меценате ⁶.

В начале XIX столетия меценатство в России получило довольно широкое распространение, став одним из проявлений общественной активности. В его мотивах часто переплетались и искренние чувства патриотизма, и честолюбивые соображения, и стремление лишний раз обратить на себя внимание властей.

Румянцев не принадлежал к тому типу благотворителей, которые лишь внешне демонстрировали свое покровительство делам просвещения. Его подвижническое служение отечественной науке блестяще охарактеризовал один из молодых членов кружка, впоследствии выдающийся историк М. П. Погодин: «Все древнее, старинное возбуждало любопытство графа Румянцева: он читал постоянно все,

относящиеся к русской истории, отыскивал везде ее любителей, привлекал к занятиям, искал случая начинать исторические работы, задавал вопросы, указывал источники, снабжал книгами, поручал исследования, употреблял все зависящие от него средства для содействия всякому предприятию»⁷.

Государственный канцлер сумел объединить вокруг себя блестящую плеяду ученых — историков, археографов, географов, этнографов, лингвистов, создав таким образом своеобразное неформальное объединение — Румянцевский кружок, в состав которого вошли А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, П. И. Кеппен, Ф. П. Аделунг, Ф. И. Круг, А. М. Шегрен, И. Ф. Крузенштерн, А. Х. Востоков, М. П. Погодин и др. Программными для всех членов кружка можно считать слова Румянцева, адресованные Крузенштерну: «Станем служить всеобщему просвещению. Вы своими пространными познаниями, а я горячим усердием среди такой эпохи, в которой бесстыдно проповедают, что просвещение к благу народному не служит»⁸.

Основой деятельности «ученой дружины» стало разыскание, изучение и публикация разнообразных источников по истории нашего Отечества⁹.

Начав с подготовки издания «Собрания государственных грамот и договоров» и обработки документов архива Коллегии иностранных дел, сотрудники кружка постепенно расширили сферу поисков, организовывая при финансовой поддержке Румянцева специальные археографические экспедиции по всей стране для исследования и снятия копий с наиболее интересных памятников письменности, хранившихся в государственных, монастырских и частных архивах (экспедиция Строева и Калайдовича по Подмосковию в 1818 г.; поездки В. Н. Берха по районам Северного Урала в 1817—1822 гг.; работы Калайдовича в Рязанской губернии; изучение белорусских архивов И. И. Григоровичем и т. д.).

Суть этой невиданной в масштабах страны археографической программы хорошо выразил Строев: «Пусть целая Россия превратится в одну библиотеку, нам доступную. Не сотнями известных рукописей мы должны ограничить свои занятия, но бесчисленным множеством их...»¹⁰. В общей сложности обследованными оказалось до полуторасот различных собраний — найдены, описаны и собраны тысячи памятников. Одновременно Румянцев и его сподвижники проводили огромную работу по поиску древних рукописей и редких книг, изучали актовую лексику, составляли словари языков многих народов России.

С 1812 г. члены кружка начали разыскания в зарубежных древлехранилищах, где сберегались документы, относящиеся к русской истории и ее связям с историей других стран и народов. В более чем 40 архивах и библиотеках Польши, Швеции, Дании, Голландии, Пруссии, Австро-Венгрии, Франции, Англии, Испании, Италии единомышленникам Румянцева удалось обнаружить и скопировать большое количество ранее неизвестных или малоизвестных источников. Особенно плодотворной оказалась экспедиция П. И. Кеппена по славянским странам (1821—1824 гг.). По ее материалам, по настоянию Румянцева, Кеппен опубликовал в 1825 г. «Записки о путешествии по славянским землям и архивам», фактически ставшие проектом комплексных археографических исследований по всем европейским странам¹¹.

В результате деятельности кружка были выявлены и впоследствии изданы тысячи ранее неизвестных рукописных памятников, содержащих драгоценные данные по этнографии отечественных народов, генезису этнического самосознания; сохранены ценнейшие документы, повествующие о старинных обычаях и обрядах¹²; собран богатый материал по культуре допетровской Руси и ее главным живым хранителем — старообрядцам.

Сотрудниками Румянцева были подготовлены к публикации и впервые введены в научный оборот русские и древнеславянские литературные сочинения («Памятники российской словесности XII века. Сочинения Кирилла Туровского, Митрополита Никифора, Даниила Заточника, вопросы Кирика...», изданные в 1821 г. Калайдовичем); фольклорный материал («Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым...», изданные Калайдовичем в 1818 г. и

ставшие в истории русской фольклористики первой публикацией, выполненной на научной основе)¹³; западно-европейские, византийские и восточные источники, связанные с вопросами происхождения славян и возникновения Древнерусского государства, этнической истории народов, вошедших в состав Российской империи (работы Ф. И. Круга, Ф. П. Аделунга и особенно труды Х. Д. Френа по использованию арабских письменных памятников для изучения истории Руси)¹⁴.

Члены Румянцевского кружка одними из первых обратили внимание на важность использования в качестве источников литературы о путешествиях, считая «путешествия лучшими комментариями истории и верными средствами сближения народов»¹⁵.

К сожалению, при жизни графа не был осуществлен проект грандиозного издания записок иностранных авторов, посвященных историческому, географическому и этнографическому описанию России, который должен был подготовить Аделунг. Однако в 1818 г. Аделунг на средства Румянцева переиздал на немецком языке «Записки о Московии» немецкого дипломата и путешественника Герберштейна, которые по обилию и точности бытовых описаний занимают одно из первых мест среди сочинений о России иностранных авторов, а в 1827 г. Аделунг осуществил на деньги Румянцева, выделенные им ранее, публикацию книги «Барон Мейерберг и путешествие его по России»¹⁶. Впоследствии ученому удалось частично воплотить замысел Румянцева при составлении «Критико-литературного обозрения путешественников по России до 1700 года и их сочинений»¹⁷.

Остался неисполненным и другой, не менее интересный, проект издания — «О древних путешествиях россиян», подготовка которого была возложена на Малиновского. «По домогательству моему, — писал в 1820 г. Румянец митрополиту Евгению, — Алексей Федорович собирает все древние российские путешествия для издания в печать; он ко мне пишет на днях, что сам радуется многому отысканному; мое желание, чтобы оно начиналось путешествием известного черниговского монаха в Иерусалим... а кончится сие издание подробным и любопытным описанием одного путешествия во дни царя Ивана Васильевича через Мунгалию до Пекина, которое я нашел в одной рукописи, мне принадлежащей. В это же издание войдет краткое описание Египта, которое я видел помещенным в одной из рукописей Софийской Новгородской библиотеки»¹⁸. Издание «Древних путешествий...» могло бы, по мнению сотрудников Румянцева, привести к важным результатам: с одной стороны, доказать приоритет России в ряде географических открытий, с другой — позволить из отзывов россиян о виденном на чужой стороне составить представление об их собственном образовании и мировоззрении. Через десять лет после смерти канцлера задуманный им проект был частично осуществлен И. П. Сахаровым¹⁹.

Подводя итоги данному направлению деятельности членов Румянцевского кружка, необходимо отметить, что гигантская археографическая работа, начатая ими, мыслилась всего лишь как средство, а не цель. Государственный канцлер и его сотоварищи надеялись положить в основание будущей научной истории России важнейшие документы, большей частью совершенно неизвестные, многие из которых они столь самоотверженно спасали, не считаясь ни с финансовыми затратами, ни с физическими.

И эта задача была с честью выполнена: открытия румянцевских археографических экспедиций заложили прочный фундамент исторического материала для целого ряда обобщающих трудов в самых разных областях науки, в том числе и в этнографии.

С 1817 г. начался новый этап в деятельности кружка: сотрудники Румянцева постепенно перешли к проведению комплексных археографических, археологических и этнографических экспедиций²⁰. Главная цель «ученой дружины» отныне — собрать воедино, сохранив от полного забвения или уничтожения, всевозможные свидетельства прошлого — так называемые «древности». Накопление этнографического, фольклорного и лингвистического материалов в этой связи рассматривалось как необходимое условие для реконструкции отечественной

истории и культуры. «На великом пространстве Российского государства, — писал Аделунг, — представляются взору наблюдателя земли... обитаемые народами, противоположными между собой в происхождении, языке, вере, образовании, обычаях и одежде; ...страны, важные и поныне в истории древности, и другие, коих жители только в новейшие времена заняли место в Бытописании. Какое богатое поле для испытателя истории..., которому свято все, что относится к любезной его родине»²¹.

Идея о создании единого хранилища российских древностей получила свое окончательное оформление в проектах Ф. П. Аделунга и Б. Г. Вихмана об учреждении Русского национального музея.

В 1817 г. в журнале «Сын Отечества» был опубликован проект Аделунга²². Музей по замыслу ученого должен был располагаться в Москве; цель его основания — «возбуждать истинное уважение к Отечеству..., предохранять от рассеяния и истребления тысячи любопытных предметов»²³.

В музее предусматривалось создание наряду с обширной библиотекой, нумизматическим, минералогическим, природоведческим отделами и картинной галереей специального этнографического отделения, в фондах которого должны были храниться «все предметы, относящиеся к познанию многочисленных народов и поколений, населяющих пространную Российскую державу»²⁴. В свою очередь в этнографическом собрании надлежало устроить четыре основных раздела: одежда («вещества и орудия, употребляемые при изготовлении оной и все украшения тела, наряды и пр.»); оружие; «утварь, разные орудия и все, что относится к образу жизни и упражнениям народов», а также словари народных говоров²⁵. Предполагалось, что музей будет «служить убежищем для занятий ученых» и его сможет посетить «всякий порядочно одетый человек»²⁶.

Спустя четыре года на суд российской общественности был вынесен еще один проект, на сей раз — Российского отечественного музея в Санкт-Петербурге²⁷. Автор проекта — Б. Г. Вихман, личный библиотекарь Румянцева — в целях расширения этнографических познаний планировал разместить в стенах музея «этнографическую галерею», коллекции которой должны были включать «всякого рода отечественные одежды, хозяйственные и другие орудия, посуду и изделия разных племен, живущих в Отечестве нашем», рисунки, изображающие их физиономию, жилища, церковные и другие обряды, празднества и особенные их увеселения»²⁸.

Оба проекта содержали «всемирное приглашение» участвовать в комплектовании фондов музея; большие надежды возлагались также на помощь правительства и на денежные пожертвования частных лиц.

Забегая вперед, можно сказать, что проекты «национального хранилища древностей», предложенные Аделунгом и Вихманом, стали прообразом румянцевского музея.

К концу своей жизни Румянцев обладал крупнейшей библиотекой в России, насчитывающей около 28,5 тыс. книг, богатейшим собранием славянских рукописей и их копий (свыше 700 номеров), нумизматическим кабинетом, обширными минералогической, художественной и этнографической коллекциями. По универсальности подбора всевозможных памятников и научной ценности собрания Румянцева занимали одно из первых мест в России начала XIX в. Свою библиотеку и коллекции Румянцев мечтал сделать всеобщим достоянием, не даром на его доме в Санкт-Петербурге красовалась доска с надписью «Отечеству на благое просвещение». Здесь, по завещанию графа, и был в 1831 г. открыт Румянцевский музей, перевезенный спустя три десятилетия в Москву.

Этнографические интересы самого Румянцева развивались в непосредственной связи с экономическими и внешнеполитическими устремлениями Российского государства: необходимостью освоения северных и восточных районов страны, прокладывания новых морских и сухопутных торговых путей, налаживания активной торговли, в первую очередь с Северной Америкой, Китаем, Японией. В значительной степени о направленности этих интересов позволяет судить

библиотека графа, в частности отборное собрание путешествий (книги и рукописи о географических разысканиях русских первопроходцев в северных землях, открытиях испанских и португальских мореплавателей в Южном море; материалы российских кругосветных путешествий и экспедиций Российско-Американской компании и т. д.)²⁹.

Вместе с тем увлеченность Румянцева той или иной этнографической проблемой часто имела прямое отношение к научным поискам членов кружка. Так, не вызывает сомнений, что интерес к устному народному творчеству зародился у государственного канцлера под влиянием подготовки и выхода в свет «Древних российских стихотворений». В 1817—1820-х годах Румянцев принял деятельное участие через своих корреспондентов в сборе фольклорного материала. С просьбой о записывании «народных исторических и богатырских песен или сказок» он обращался к А. Ф. Клокачеву, главнокомандующему Архангельским портом и Архангельскому военному губернатору, А. М. Тургенеvu, Тобольскому гражданскому губернатору, В. Н. Берху, В. В. Капнисту и др.³⁰. Примечательна переписка Румянцева с поэтом и драматургом В. В. Капнистом, в котором обговаривалась возможность подготовки и издания «Собрания русских простонародных сказок», ибо в них «находится весьма много любопытных предметов: мифология, вымыслы, обычаи коренные», а «были, в небылицах представленные», могут «по очищению строгой критикой, обнаружить следы древнейших славянского народа происшествий, единственно устному преданию вверенных»³¹.

Под влиянием бесед с Х. Д. Френом Румянцев заинтересовался известиями по истории и этнографии Древней Руси, а также народов Кавказа, находящимися у восточных писателей, и вскоре начал покупать арабские, грузинские, армянские, китайские, монгольские и другие восточные рукописи³². Учреждение же в 1818 г. Азиатского музея во главе с Френом усилило склонность Румянцева к изучению истории, материальной и духовной культуры народов Китая, Дальнего Востока, Сибири.

Немалая роль в формировании «любопытности» графа к этнографии народов Севера России, Сибири и Средней Азии принадлежала Г. И. Спасскому, редактору журналов «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник», подготовившему для кружка ряд исследований.

Основную долю информации по этнографии различных народов граф (наравне с большинством своих современников) черпал из пространных публикаций по этнографической тематике, которыми буквально изобиловали отечественные и зарубежные журналы того времени. При этом он наряду с уже упомянутым «Сибирским вестником» Спасского оставался «приверженным чтением» «Вестника Европы» М. Т. Каченовского и «Казанского Вестника», издававшегося при Императорском Казанском университете³³. Румянцев быстро реагировал на заинтересовавшие его сведения, отмечая всякую сенсационность, просил уточнить те или иные факты и детали и в конце концов изъявлял желание познакомиться с автором.

В 1819 г. графа привлекли заметки, подготовленные переводчиком сибирского отдельного корпуса Ф. М. Назаровым, бывшим в 1813—1814 гг. по поручению российского правительства в киргиз-кайсацкой степи, а затем с дипломатической миссией у кокандского хана. В начале 1820 г. состоялась встреча государственного канцлера с Назаровым, во время которой последний передал Румянцеву свой путевой журнал, содержащий важные сведения о «быте» и «нравах» киргизов и узбеков. Было принято решение издать сей журнал с некоторыми дополнениями на средства Румянцева.

«Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии» вышли в свет в 1821 г. Во вступлении к книге Назаров писал: «Народы, обитающие в средней части Азии, до сих пор остаются мало известными; будучи к ним послан... я старался замечать нравы, обычаи, положение мест и укрепления городов сих народов; а знание тамошнего языка, как своего собственного, доставило мне те средства, кои редко находят путешественники... Записки сии... остались бы

неизвестными без великодушного содействия знаменитого в государстве нашем мужа, споспешествующего новым открытиям»³⁴. За свой труд автор получил в награду от Румянцева золотую табакерку, а также сумму в 200 руб., вырученную от продажи 100 экземпляров книги³⁵.

Серьезный интерес вызвали у Румянцева напечатанные в «Сибирском вестнике» записки о быте чукчей доктора Августа Кибера, участника экспедиции Ф. П. Врангеля 1820—1824 гг. на северо-восточное побережье Сибири. По настоянию государственного канцлера сбором сведений о Кибере, а впоследствии и организацией их знакомства занимался Крузенштерн³⁶.

И еще один момент, на котором хотелось бы остановиться. Из-за тяжелого недуга единственным средством общения для Румянцева стала переписка. «Все чаще вижу с канцлером, — писал Н. М. Карамзин в 1818 г., — но ездю к нему более с грустью, нежели с удовольствием. Он видит мое лицо, и только надобно в разговоре прибегать к перу»³⁷.

При помощи писем граф поддерживал «чуть ли не ежедневные сношения со своими сотрудниками», причем «письма, — как отмечал П. Н. Милюков, — занимали место рефератов, а содержание этих писем ручалось за то, что каждый член общества делает под своею личною ответственностью взятое на себя дело»³⁸.

Сеть корреспондентов графа была чрезвычайно широка: по его поручениям поисками «древностей» по всей территории России занимались представители губернских властей, чиновники, учителя гимназий, духовные особы. В разные годы «информаторами» Румянцева становились П. М. Капцевич, генерал-губернатор Западной Сибири, архангельский архиепископ Неофит, сенатор П. И. Апраксин, смоленский губернатор С. С. Апраксин, уже упоминавшиеся А. Ф. Клокачев, А. М. Тургенев, В. В. Капнист, ярославский помещик С. Саковников, «пятнадцатилетний уроженец и обитатель Архангельска» В. Никонов и многие другие³⁹. Собирались всевозможные предметы материальной культуры, делались зарисовки, записывались народные песни и сказания. Вся информация о подобного рода изысканиях стекалась в канцелярию Румянцева, где тщательно рассматривалась его сотрудниками.

Особое значение Румянцев придавал сведениям о местных купцах-коллекционерах и, если они его заинтересовывали, начинал вести переговоры о возможной покупке собраний. Так, в 1824 г. при посредничестве А. М. Тургенева Румянцев за 200 руб. приобрел у одного тобольского купца «древнее вооружение бурятских народов, состоящее из шлема и латов», а также «чугунный нагрудник сердцевидной фигуры с изображением на нем двух рыб и китайских букв»⁴⁰. По просьбе Румянцева архиепископ Неофит установил связь с важным купцом М. Н. Мясниковым, владельцем богатейшей коллекции по истории Севера европейской части России. Став в молодости богатым благодаря торговле в Сибири, М. Н. Мясников, отойдя от дел, решил посвятить свою жизнь собранию различных материалов по истории и этнографии родного края. Румянцев, по совету Неофита, решил приобрести коллекцию Мясникова, но смерть графа помешала осуществлению этой покупки⁴¹. В 1827 г., спустя год после кончины канцлера, Мясникова посетил А. М. Шегрен. Он провел у коллекционера несколько дней и составил каталог его собраний. Шегрен был крайне озабочен будущим бесценной коллекции, заметив, что близкие Мясникова абсолютно не понимали ее значимости и часто высмеивали старого человека за напрасную трату денег. Стараясь гарантировать сохранность коллекции, Шегрен написал Ф. И. Кругу о необходимости убедить Академию наук выделить Мясникову пенсию в обмен на получение его собраний⁴². Однако хлопоты Шегрена ни к чему не привели: коллекция не была приобретена и в дальнейшем расплылась.

Несомненно, что подобная активность Румянцева и его сподвижников имела, по словам В. С. Иконникова, «очевидное нравственное влияние на развитие и успех» местного краеведения⁴³. Губернские власти, получив запрос Румянцева, в свою очередь рассылали инструкции и распоряжения о «сборе древностей», прилагая к ним составленные графом и его сотрудниками рекомендательные

списки предметов, а затем ревностно следили за выполнением своих указаний⁴⁴. По побуждению Румянцева составлялись и специальные программы изучения местного края. В бумагах митрополита Евгения сохранилась «Программа исследования Смоленской губернии», по которой, в частности, предлагалось почаще обращаться за содействием к местному духовенству: «Каждый из священников совершенно ознакомлен со своим приходом. Прихожане на вопросы его скажут ему, ежели что имеют у себя в сем роде достойного любопытства и не откажутся снабдить тем; удовольствием почтут поведать и указать, что есть у другого неизвестного ему, и что могли слышать вероятного от старожилов»⁴⁵.

Как уже отмечалось, в последние 5 лет своего существования кружок перешел к проведению комплексных археографических, археологических и этнографических «полевых» экспедиций.

Примером осуществления первых таких «универсальных поисков» могут послужить экспедиции члена Румянцевского кружка В. Н. Берха⁴⁶, обследовавшего в 1818—1821 гг. на средства канцлера районы по берегам рек Тагила, Лобви и Чусовой, а также города Пермь, Чердынь и Соликамск.

Письма Румянцева к Берху вместе с указаниями по работе в архивах неоднократно содержали просьбы «собирать словари... и некоторые речения разных народов», разузнавать, «нет ли у них древних богатырских песен или сказок»⁴⁷, «записывать в селе пермском разные сведения о том, что обычай его жителей имеет особенного и некоторые о старой Перми и о предках их еще хранящиеся между ними исторические предания»⁴⁸.

В «Путешествии в города Чердынь и Соликамск» Берх рассказывает, как, получив от Румянцева «Древние российские стихотворения» для помощи в «записи по изустному рассказу», он приступил к исполнению возложенного на него графом поручения: «Расположась на удобной квартире, приказал я волостному голове и писарю пригласить женщин и девок, песни знающих, объявя им, что каждой дано будет по полтине в награждение. Чрез нас собралось их более дюжины, и помучив меня своею застенчивостью и перекорами, начали орать во все горло самые новые песни, кои поются в столицах... Удивление мое было чрезмерно; я полагал, что в сем отдаленном углу соберу я всю седую древность... Усмотря между моими посетительницами одну пожилую и умную женщину, спросил я ее, не может ли она рассказать мне несколько повестей или сказок..., и удостоверился скоро в новой неудаче. Настасья Тимофеевна Девяткова предлагала мне: Илью Муромца, Ивашку белую рубашку, Царя Соломона, Даниила Безчастного, Соловья разбойника, Ивана Царевича и, услышав, что все сии сказки мне известны, сказала, постой же я расскажу тебе о Перяной Кикиморе, которую ты верно не знаешь. Храня благопристойность... внимал я словам повествовательницы, и нашел, что это простая сказка, никакого внимания незаслуживающая. Я выслушал еще и другую о Пелиторском Короле и дочери его Мангалете, но не нашел и в ней ничего мне нужного»⁴⁹. Берх, таким образом, в деле собирания народных песен явно не преуспел. Однако объяснить это случайной неудачей, как сделал автор, было бы неосновательно: в начале XIX в. еще не существовало никаких особых приемов записи фольклора. Берх, как видно, и не подозревал, что слышанные им сказки, более или менее известные уже по содержанию, могли быть любопытны по своим вариантам.

Если этнографические «поиски» Берха скорее относятся к области курьезов, то такое определение никак не подходит к другим этнографическим проектам, пользовавшимся поддержкой и финансированным Румянцевым, в первую очередь к комплексной программе изучения финно-угорских народов.

Вскоре после выхода в отставку Румянцев, испытывавший традиционный для академических кругов России интерес к истории и этнографии «северных народов» и находившийся под значительным влиянием научных представлений Г.-Ф. Миллера и А.-Л. Шлецера, задумал реализовать обширный план исследований по данной проблематике.

Уже в 1813 г. Румянцев просил своих единомышленников обращать внимание на сведения о финно-угорских народах, содержащихся в русских летописях⁵⁰. В

1814 г., опираясь на дружеские контакты с финскими учеными, он отдал распоряжение о переводе на русский язык «Истории северных народов» Х.-Г. Портана, одновременно хлопоча о разыскании в архиве Абоского университета (Турку) рукописей финского просветителя для возможной их публикации⁵¹. Тогда же государственный канцлер оказал финансовую поддержку Финляндскому экономическому обществу в организации небольшой экспедиции для изучения северных районов страны⁵².

В 1816 г. Румянцев обратился к Якобу Тенгстрему, епископу и вице-канцлеру Абоской академии, с предложением рекомендовать двух ученых, которые на его средства смогли бы совершить научную экспедицию по северу России. Основные требования, предъявленные Румянцевым: владение русским и иными языками, способность к научным занятиям, безусловное знание предмета исследований, высокая нравственность и, наконец, страсть к путешествиям. Ученому предприятию, по замыслу графа, должен был предшествовать длительный подготовительный период для работы в архивах России и тщательнейшего ознакомления с самыми разнообразными источниками. «Нужно использовать всякую возможность, чтобы составить эпоху в прогрессе знаний о Севере», — писал Румянцев Тенгстрему⁵³. Однако в силу ряда обстоятельств многообещающее путешествие не состоялось. Что касается Румянцева, то он не был обескуражен срывом своего плана, полагая, что отсрочка поможет только выиграть время для более детальной его проработки. С этой целью он обещал выслать в Абоский университет копии всех работ о финских народах, опубликованных в России, и свое обещание сдержал⁵⁴.

В 1819 г. Румянцев возвратился к своему замыслу, что было связано с приездом в Санкт-Петербург датского языковеда Р.-К. Раска. Отклонив предложение графа самому предпринять «ученое путешествие», Раск порекомендовал Румянцеву кандидатуру А. М. Шегрена⁵⁵.

О требовательности Румянцева к кандидатам, долженствующим претворить в жизнь его идеи, свидетельствуют письма Раска и Гиппинга к Шегрену. Так Раск, затронув в письме вопросы будущего переезда Шегрена в Россию, отметил, что в настоящее время на руках у Румянцева четыре дорогостоящих проекта, и план экспедиции по изучению финно-угорских народов будет им возрожден только в том случае, если «ученый, в чьих способностях и нравственности он не будет сомневаться, поступит к нему на службу»⁵⁶. Аналогичный анализ ситуации предложил и А.-Ю. Гиппинг: Шегрену «не следует на что-либо рассчитывать, пока он не пробудет некоторое время в Санкт-Петербурге, его не узнают лично, и пока он не покажет себя вполне квалифицированным, чтобы осуществить данный проект»⁵⁷.

В конце 1819 г. Шегрен приехал в Россию, и лишь через год произошло его знакомство с Румянцевым, пожелавшим издать на свои средства составленные ученым очерки по финскому языку и литературе. С этого времени Шегрен активно подключился к работе кружка, а в 1823 г. занял место библиотекаря у Румянцева. В 1821 г. Шегрен представил на рассмотрение канцлера проспект широкомасштабной экспедиции по районам обитания финно-угорских народов сроком на 3 года (год — подготовка, два года — полевые исследования). В проспекте предусматривалось «изучение местных языков и диалектов, а также преданий, народных песен, обычаев и привычек»⁵⁸.

Проект в общих чертах был одобрен Румянцевым, хотя граф и посоветовал соискателю существенно увеличить подготовительный период для детального изучения российских источников⁵⁹. Однако впоследствии Румянцев отказался от полного финансирования экспедиции Шегрена, ссылаясь на то, что ему не суждено дожить до ее научных результатов⁶⁰. В сложившейся ситуации трудно осуждать престарелого и тяжелобольного Румянцева, мечтавшего в оставшийся ему короткий срок хотя бы успеть завершить начатое: искушенный в государственных делах, великолепно видящий все изъяны чиновничьей России, Румянцев понимал, что многие его идеи живы, пока жив он, канцлер, а что будет потом?

Планам Шегрена суждено было сбыться в 1824—1829 гг. во время специальной научной поездки по северу европейской части России и Финляндии, проведенной

на средства Финляндского казначейства. Румянцев же, со своей стороны, снабдил Шегрена обширными рекомендательными письмами к местной администрации, которые в российских условиях всегда значили не многим меньше, чем финансовая поддержка⁶¹. Румянцев также обратился к Шегрену с просьбой установить контакт с сосланным в Валаамский монастырь Н. Я. Бичуриным и обговорить возможность издания его трудов, равно как и приобретения собранных им рукописей⁶².

В результате экспедиции 1824—1829 гг. Шегреном было проведено первое системное исследование финно-угорских народов, был собран ценнейший лингвистический, ономастический, этнографический материал о вепсах, карелах, саамах, коми и коми-пермяках, самодийских народах, удмуртах, марийцах; выдвинуты интересные концепции по этногенезу.

Плодотворными оказались и экспедиции другого члена Румянцевского кружка — П. И. Кеппена, осуществившиеся при финансовой помощи Румянцева: 1819 г. — по Кавказу и Крыму; 1820 г. — по северо-западным и прибалтийским губерниям; 1821—1824 гг. — научная поездка по ряду славянских стран⁶³. Во время ученых путешествий Кеппен, так же как и Шегрен, особое внимание уделял языковедческим проблемам: данные языка широко использовались им для реконструкции дописьменной истории населения, изучения миграционных процессов; сравнительный анализ языков позволял делать выводы об исторической и культурной взаимосвязи народов (что часто было призвано доказать правомерность расширения границ Российской империи).

Особенный интерес для Кеппена представляли исследования о русских святцах. «Со времени отсутствия Вашего Сиятельства, — писал он Румянцеву летом 1824 г., — я беспрерывно занимался сличением названий месяцев у разных славянских народов и в то же время приготовлением материалов для сравнительных святцев»⁶⁴. Кеппену удалось опубликовать незначительную часть собранного материала в «Библиографических листах»⁶⁵, чем он навлек на себя «праведный» гнев попечителя Казанского учебного округа М. Магницкого, журнал же оказался на грани закрытия⁶⁶. В дальнейшем работы Кеппена так и не были изданы из-за противодействия духовной цензуры.

Румянцев покровительствовал и ряду проектов З. Я. Доленго-Ходаковского. В 1820 г. польский ученый выступил на страницах «Сына Отечества» и «Вестника Европы» с отповедью всем тем, кто «писал историю не познавши народа», предложив свою программу комплексного археологического и этнографического исследования славянских земель⁶⁷. В программу, в частности, были включены следующие пункты: обратить внимание «на главные наречия провинциальные, как далеке простираются, в чем состоит их разница, и что могло в оных уцелеть от древнейшего славянского, равным образом, какая будет разница в одежде, строении домов и земледельческих снарядах; какие найдутся наименования разным звездам и природе, т. е. пресмыкающимся, насекомым, грибам и травам; замечать обряды свадебные, игры, песни, суеверия, и все, что будет происходить от древнейших времен»⁶⁸. Планы Доленго-Ходаковского встретили горячую поддержку в рядах сотрудников Румянцева. Серьезно заинтересовался ими и сам граф, хотя в «возбуждении охоты канцлера» на полное ее финансирование Доленго-Ходаковский не преуспел. Причиной этого явилось, скорее всего, недоверие Румянцева не к планам польского ученого, а к авторитету их исполнителя, несправедливо считавшегося многими современниками смешным чудачком⁶⁹. Определенную роль сыграло и негативное отношение к научным гипотезам Доленго-Ходаковского Калайдовича и Кеппена, чьими мнениями канцлер дорожил⁷⁰.

К сожалению, остался неисполненным задуманный Румянцевым и Крузенштерном проект изучения районов к северу от Чукотки, Берингова пролива, Баффинова и Гудзонова заливов, а также устья реки Маккензи, одной из задач которого было проведение этнографических наблюдений среди коренного населения⁷¹. Большая работа по технической подготовке этой экспедиции и подбору для нее специалистов была прервана со смертью канцлера.

Однако имена Крузенштерна и Румянцева в первую очередь ассоциируются с другой славной страницей истории нашего Отечества — началом блестящей эпохи русских океанских плаваний, приведших к выдающимся открытиям в области географии, метеорологии, океанографии, внесших огромный вклад в становление отечественной этнографии.

Знакомство Крузенштерна и Румянцева относится к 1802 г., времени подготовки Первого Кругосветного плавания россиян. С тех пор мореплаватель становится главным консультантом и помощником Румянцева в историко-географических изысканиях, первым входит в организованный канцлером кружок. Пожалуй, из всех членов кружка Крузенштерн — самый близкий Румянцеву человек. Их отношения носили характер неподдельной доверительности, трогательной заботы друг о друге, нравственной поддержки в трудные минуты жизни. Канцлер покровительствовал Крузенштерну во всех его начинаниях, делая это по собственному замечанию «...не по пристрастию, а по приверженности к благу Отечества»⁷².

При активном содействии Румянцева в 1803—1806 гг. состоялось Первое Русское кругосветное путешествие под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. А в 1815—1818 гг. на свои средства канцлер снарядил научно-исследовательскую экспедицию на бриге «Рюрик» во главе с учеником Крузенштерна — О. Е. Коцебу.

В программах экспедиций наряду с выполнением основных задач — прокладывание морского пути, связывающего порты Балтики с Русской Америкой, исследование Южных морей, отыскание северного морского прохода («Рюрик») — предусматривалось проведение широких этнографических наблюдений среди тех народов, рядом с чьими землями должны были пролегать пути российских мореплавателей, и где предполагались стоянки кораблей.

В своих книгах, отчетах, дневниках участники путешествий, среди которых были такие выдающиеся ученые, как Г. И. Лангсдорф, В. Г. Тилезиус-фон-Тиленау, А. Шамиссо, описывали хозяйственный уклад, общественный строй, обычаи, религию народов посещенных стран. Делались многочисленные зарисовки виденного («Атлас к путешествию капитана Крузенштерна» с рисунками Тилезиуса-фон-Тиленау и Лангсдорфа, «Собрание карт и рисунков Ю. Ф. Лисянского», зарисовки Л. А. Хориса о плавании на «Рюрике» и др.), изучались местные языки, составлялись краткие словари для будущих мореплавателей⁷³.

Особо значимыми оказались этнографические изыскания российских мореплавателей в Океании. Выполненные в ряде случаев (Маркизские, Маршалловы острова) до активизации миссионерской деятельности и прихода колонизаторов, они надолго остались одним из главных источников сведений об этих народах. Этнографические описания, сделанные Крузенштерном и Коцебу, стали классическими, по праву пополнив «золотой фонд» этнографической науки, и наряду с исследованиями других участников экспедиций заложили прочную основу отечественной этноокеанистики⁷⁴.

Труды российских мореплавателей сразу же получили международное признание. «Путешествие вокруг света...» Крузенштерна было переведено во Франции, Голландии, Швеции, Дании и выдержало несколько изданий в Германии. В 1821 г. иждивением Румянцева на русском и немецком языках было издано «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного прохода, предпринятое в 1815—1818 гг. О. Е. Коцебу»⁷⁵. Не меньший общественный резонанс вызвали и труды Лисянского, Лангсдорфа, Шамиссо, Хориса и др.

Поистине бесценны привезенные нашими соотечественниками этнографические коллекции, по своему составу ставшие первыми подобного рода собраниями в России. Часть коллекций поступила в личное собрание графа Румянцева, положив начало будущему этнографическому отделению Румянцевского Музея.

Состав данной коллекции во многом свидетельствовал о персональном интересе канцлера к культуре и быту народов островного мира Тихого океана. Так,

она содержала более ста этнографических предметов с Гавайских, Маркизских островов, ряда островов Микронезии, среди которых гавайские. «идол походный, плетенный из волокон древесной коры», «лист пальмовый, витой, употребляемый при торжественных походах», разнообразная домашняя утварь, оружие («пращ из кокосовых волокон»); «подножник ходули, изображающий фигуру человека», образцы тапы, веера, шейные украшения и серьги с о-ва Нукухива и многое другое. Значительная часть экспонатов, в основном собранная Лисянским, характеризовала материальную и духовную культуру населения Аляски, Алеутских островов, о-ва Кадьяк (одежда, оружие, игрушки, утварь, предметы культа и др.). Также были представлены предметы из Японии (например, «модель корабля — деревянная», музыкальный инструмент в виде длинной трубки, обшитой шелком, с наконечниками, украшенными серебряной канителью»), с Филиппинских островов и некоторых других мест⁷⁶. Свое этнографическое собрание граф охотно предоставлял для изучения исследователям.

На организацию экспедиции на бриге «Рюрик» Румянцев затратил около 100 тыс. рублей; вся же сумма, отпущенная канцлером на финансирование различных научных проектов, составила более 1 млн. рублей⁷⁷. Однако сам Румянцев крайне огорчился, когда к его заслугам относили только крупные денежные пожертвования. «Странно, что мне оставлено только то в честь, — писал он митрополиту Евгению, — что кажут меня единственно как „щедрого кассира Российской словесности“. Винюсь, я о себе сужу что-то иное»⁷⁸. Трудно здесь с ним не согласиться. Румянцев не просто оказывал материальную поддержку всевозможным изысканиям, обеспечивал средствами к жизни молодых ученых — он, по выражению П. Н. Милюкова, «давал практическую цель научной деятельности; затеянные им предприятия вызвали на свет новые ученые силы, словом, по почину Румянцева, была создана и утилизирована такая масса ученого труда и знания, какую трудно было даже ожидать от нашей молодой еще науки»⁷⁹.

Румянцев одним из первых явил собой новый тип мецената в нашем Отечестве, выступив, по словам Е. Ф. Корша, «не милостивцем, а одной из договаривающихся сторон, отбив всякую охоту к тому лишь подставному или мишурному часто меценатству, которое так легко и иногда так дешево давалось другим, и между тем так позорно принижало первые зачатки нашей науки, сообщая невольное и неуклюжее притом раболепство самому даже младенческому ее лепету»⁸⁰.

Румянцев и его сотрудники, самоотверженно и бескорыстно служившие Просвещению, надеялись на высокую оценку их трудов в будущем. И поэтому с полным правом можно отнести ко всем членам Румянцевского кружка слова, адресованные канцлером Крузенштерну: «Вы без сомнения просвещением своим и полезными трудами будете отмечены потомством. А сие воздаяние лучше всяких других отличий!»⁸¹.

Примечания

¹ Письмо Н. П. Румянцева А. Ф. Малиновскому от 21 марта 1820 г. // Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными. М., 1882. С. 144.

² Ключевский В. О. Соч. Т. 5. М., 1958. С. 226.

³ Там же. С. 247.

⁴ См., например: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978. С. 40—80.

⁵ Вступление наполеоновских войск в Россию так потрясло Румянцева, что он подвергся апopleктическому удару и навсегда потерял слух.

⁶ Румянцев был одним из богатейших людей России. Он владел 30.000 душ крестьян, в числе которых до 20.000 было приписано к гомельскому имению, где по большей части жил Румянцев после выхода в отставку. Его имения находились также в Крыму, Тамбовской, Рязанской и Калужской губерниях. Румянцеву принадлежали винокуренный, стекольный, гончарный, кирпичный заводы; фабрики по производству бумаги, сукна, сыра были организованы по английскому образцу и оснащены современным техническим оборудованием. См.: Иконников В. С. Граф Н. П. Румянцев. Деятельность Его на пользу разработки русской истории и археологии. СПб., 1881. С. 247.

⁷ Погodin М. П. Судьбы археологии в России // Журн. министерства народного просвещения. 1869. Ч. 145. № 9. С. 33.

⁸ Цитирую по кн.: *Пасецкий В. М. И. Ф. Крузенштерн. М., 1974. С. 29.*

⁹ Обосновывая необходимость разыскания и публикации старинных документов, Румянцев ссылался на замечание немецкого историка и филолога А.-Л. Шлецера: «Можно ли поверить, чтобы одна из величайших наций просвещенного света и единственная обладательница сокровища столь важного не только для нее, но и для всей занимающейся историей публики, которым она может и должна гордиться — чтобы эта нация не поспешила возвестить о том свете, не обработать оно...» См.: Письмо Н. П. Румянцева А. К. Разумовскому. 1813 г. // Российский гос. архив древних актов — далее — РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 183 доп. л. 10.

¹⁰ Цитирую по кн.: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 67.*

¹¹ См.: Библиограф. листы. СПб., 1825, № 33. С. 474—488; № 34. С. 490—495.

¹² См., например: *Барсов Е. В. О значении графа Н. П. Румянцева в этнографической науке* // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1822. Вып. 1. С. 90—108.

¹³ Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым и вторично изданные с прибавлениями 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818. Данное издание надолго превратилось в первоисточник из-за последовавшей вскоре утери самой рукописи, вновь найденный лишь в конце XIX в.

¹⁴ Подробнее об археографической и издательской деятельности Румянцевского кружка см.: *Иконников В. С. Граф Н. П. Румянцев. Деятельность его на пользу разработки русской истории и археологии. СПб., 1881; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1. С. 100—131; Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. 222—230; Старчевский А. В. О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории. СПб., 1846.*

¹⁵ Цитирую по кн.: *Кестнер В. И. Материалы для исторического описания Румянцевского Музеума. М., 1882. С. 18.*

¹⁶ *Аделунг Ф. П. Барон Мейерберг и путешествие его по России: С присовокуплением рисунков, представляющих виды, образцы, портреты и т. п., в продолжении сего путешествия собранных. СПб., 1827. На состоявшемся в начале 1992 г. в Санкт-Петербурге симпозиуме «Памятники письменности как этнографический источник» С. Я. Циммерманис отмечал высокую достоверность рисунков швейцарского художника И.-Р. Штурна, подлинного создателя альбома рисунков, известного под названием «Альбом Мейерберга», и указывал на неиспользованные научные возможности этнографического анализа его работ. См.: *Рубцова М. А. Памятники письменности как этнографический источник* // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 149.*

¹⁷ *Аделунг Ф. П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений. М., 1864. Ч. 1—2.*

¹⁸ Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и некоторыми другими современниками с 1813 по 1825 г. Воронеж, 1868. Вып. 1. С. 31.

¹⁹ *Сахаров И. П. Путешествия русских людей в чужие земли. СПб., 1837. Ч. 1—2.*

²⁰ *Козлов В. П. Указ. раб. С. 51.*

²¹ *Аделунг Ф. П. Предложение об учреждении Русского Национального Музея* // Сын Отечества. 1817. № 14. С. 54—55.

²² Там же. С. 54—73.

²³ Там же. С. 56.

²⁴ Там же. С. 63—64.

²⁵ Там же. С. 64—65. Необходимо отметить, что размещение этнографических коллекций, характеризующих материальную культуру русских, предусматривалось в разделе «Памятники» / Собрание русских исторических памятников /.

²⁶ Там же. С. 72.

²⁷ *Вихман Б. Г. Российский Отечественный Музей* // Сын Отечества 1821. № 33. С. 289—311.

²⁸ Там же. С. 303.

²⁹ Главным консультантом по формированию «географического раздела» библиотеки Румянцева был Крузенштерн.

³⁰ См., например: Переписка Н. П. Румянцева с частными лицами // РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114 доп. Ч. 2. Л. 346; Ч. 7. Л. 230; Письма графа Румянцева к В. Н. Берху. СПб., 1876.

³¹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114 доп. Ч. 2. Л. 337.

³² *Иконников В. С. Граф Н. П. Румянцев... С. 65—66.*

³³ Самым содержательным и полезным журналом Румянцев считал «Вестник Европы» М. Т. Каченовского. «Я его ни с какими ныне появляющимися журналами не сравниваю», — отмечал он. См.: Переписка государственного канцлера Н. П. Румянцева с московскими учеными... С. 92, 144. Что касается Ф. В. Булгарина и его журнала «Северный Архив», то первоначально Румянцев задумывал использовать данный журнал как периодический орган кружка. Однако впоследствии из-за ряда личных расхождений с редактором Румянцев вообще отказался от поддержки журнала. Роль периодического органа кружка стали выполнять «Библиографические листы», издававшиеся П. И. Кеппеном в 1825—1826 гг.

³⁴ *Назаров Ф. М. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб., 1821. С. 1—2.*

³⁵ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114 доп. Ч. 4. Л. 184—186. Контакты Румянцева и Назарова продолжились и в дальнейшем: спустя несколько лет Румянцев обратился к Назарову, служившему в г. Петропавловске Тобольской губернии, с предложением «собрать сведения о народах, на местной территории проживающих».

³⁶ *Кибер А. Извлечения из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северо-восточной Сибири* // Сиб. вестн. 1824. Ч. 1. Кн. 2—5; *его же, Чукчи* // Сиб.

вестн., 1824. Ч. 2. Кн. 9—10. Так же см.: Переписка Н. П. Румянцева с И. Ф. Крузенштерном//РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 162 доп. Л. 92 об. Л. 110.

³⁷ Цитирую по кн.: *Иконников В. С.* Граф Н. П. Румянцев... С. 54.

³⁸ *Милуков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1918. С. 186.

³⁹ См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114 доп. Ч. 1—7; Ф. 17. Оп. 1. Д. 15 доп.

⁴⁰ О покупке в Сибири «древностей» для Н. П. Румянцева//РГАДА Ф. 17. Оп. 1. Д. 15 доп. Л. 4—9.

⁴¹ Переписка государственного канцлера Н. П. Румянцева с московскими учеными... С. 122.

⁴² *Branch M. A. j.* Ssögrep studies of Hse North. Helsinki, 1973. P. 142—143.

⁴³ *Иконников В. С.* Опыт русской историографии... С. 191.

⁴⁴ Данную активность можно объяснить несколькими причинами. Иногда решающую роль играли дружеские отношения с канцлером, иногда — желание выслужиться перед влиятельнейшим вельможей с расчетом на дальнейшее его покровительство, а иногда — и просто нежелание «ударить в грязь лицом», ибо, по выражению П. Н. Милукова, «быть дилетантом в русской истории считал себя тогда обязанным всякий важный барин». См.: *Милуков П. Н.* Указ. раб. С. 215.

⁴⁵ Переписка Митрополита Киевского Евгения... Вып. 1. С. 17.

⁴⁶ *В. Н. Берх (1781—1831)* — участник Первой русской кругосветной экспедиции, впоследствии выдающийся историограф российского флота. После выхода по состоянию здоровья в отставку служил советником пермской казенной палаты (1810—1821). Ряд экспедиций он совершил совместно со своим другом, преподавателем пермской гимназии Калестиновым.

⁴⁷ Письма гр. Румянцева к В. Н. Берху... С. 18.

⁴⁸ Там же. С. 21.

⁴⁹ *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 114—115.

⁵⁰ См., например: Переписка Митрополита Киевского Евгения... Вып. 1. С. 1—2.

⁵¹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114 доп. Ч. 3. С. 177—179.

⁵² РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 29 доп. Л. 19—25.

⁵³ Цитирую по кн.: *Branch M.* Указ. раб. С. 28.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114 доп. Ч. 5. Л. 42, 43, 44, 49.

⁵⁵ Цитирую по кн.: *Branch M.* Указ. раб. С. 29.

⁵⁶ Цитирую по кн.: *Branch M.* Указ. раб. С. 39.

⁵⁷ Там же. С. 40. *Гуппинг А. Ю.* (1788—1862) — финский ученый-лингвист, служил библиотекарем у Румянцева.

⁵⁸ Там же. С. 41.

⁵⁹ Сам Шегрен считал тщательную проработку рукописных и книжных источников первоосновой этнографических исследований. Если в своих первых работах Шегрен использовал данные лингвистики, ономастики и этнографии преимущественно в качестве комментариев к тому или иному историческому источнику, то впоследствии он стал применять собранный им материал уже для их интерпретации. См.: *Branch M.* Указ. раб. С. 138.

⁶⁰ Там же. С. 42.

⁶¹ См., например: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114 доп. Ч. 7. Л. 238.

⁶² *Козлов В. П.* Указ. раб. С. 29.

⁶³ См., например: *Кеппен Ф. П.* Биография П. И. Кеппена. СПб., 1911.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55 доп. Л. 40 об. См. также: *Погодин М. П.* Указ. раб. С. 41. По просьбе Кеппена сбором материалов по святым занимался и Шегрен во время своей экспедиции//Библиограф. листы. 1825. № 17. С. 143.

⁶⁵ См.: *Кеппен П. И.* О календарях на 1825 год//Библиографические листы. 1825. № 5. С. 61—76; № 9. С. 127—131; *его же.* Критическое исследование о Кирилле и Мефодии//Библиограф. листы. 1825. № 8. С. 102—115; № 10. С. 139—147.

⁶⁶ Румянцев практически спас журнал от закрытия, взяв его под свое покровительство. «Не падайте духом, — писал он Кеппену, — занимайтесь мало людьми живыми, а занимайтесь много теми, кого уже давно на свете нет, и имейте в виду непременно приготовить себе постоянное знакомство с потомством». РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55 доп. Л. II об.

⁶⁷ *Доленго-Ходаковский З. Я.* Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских//Вестн. Европы. 1820. № 17. С. 30—56; № 18. С. 100—118.

⁶⁸ Там же. С. 118.

⁶⁹ См., например: *Пыпин А. Н.* Указ. раб. Т. 3. С. 38—87.

⁷⁰ Отрицательно относясь к гипотезе Доленго-Ходаковского о так называемых «городищах», Кеппен признавал его заслуги в области этнографических исследований: «К отличительным свойствам нашего исследователя причислить должно способность его беседовать с простолюдинами. На торжищах, в хижинах их, в своей собственной обители он и его жена всегда с успехом умели пользоваться их простодушными повествованиями, преданиями, местными познаниями и самым суеверием. Таким образом он сумел собрать драгоценные материалы...» См.: Библиограф. листы. 1825. № 38. С. 564.

⁷¹ *Пасацкий В. М.* Указ. раб. С. 134—147. См. также: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 162 доп. Л. 19, 34—35.

⁷² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 162 доп. Л. 63.

⁷³ См., например: *Липшиц Б. А.* Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях первой половины XIX в.//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Т. 1. С. 299—333.

⁷⁴ См., например: *Свет Я. М.* История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966; *Тумаркин Д. Д.* Материалы Первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и

этнографии Гавайских островов//Сов. этнография. 1978. № 5. С. 68—84; *Комиссаров Б. Н.* Этнографические исследования академика Г. И. Лангсдорфа//Сов. этнография. 1975. № 3. С. 83—87.

⁷⁵ Редактором, равно как и автором предисловия «Путешествия...» Кошебу был И. Ф. Крузенштерн, который также отвечал за издание и распространение книги. См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 162 доп.

⁷⁶ См.: Описание этнографического собрания в Румянцевском Музее//Архив РГБ. Оп. 1. Д. А III. Л. 189—194; *Ренар К. И.* Этнографическое отделение Румянцевского музея//Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. Вып. 1. С. 108—117. По завещанию Румянцева этнографическая коллекция вместе с библиотекой и другими собраниями была передана в Министерство народного просвещения и открыта для посещения в 1831 г. В 1861 г. Румянцевский музей был переведен в Москву. После расформирования в 1920-х годах Московского Публичного и Румянцевского музеев собрание Румянцева поступило в Антропологический музей МГУ. См.: *Смирнова Н. А.* Этнографические собрания института и музея антропологии//Вопр. антропологии. 1976. № 53. С. 178—187.

⁷⁷ *Козлов В. П.* Указ. раб. С. 39.

⁷⁸ Переписка Киевского митрополита Евгения... Вып. 2. С. 67.

⁷⁹ *Миллюков П. Н.* Указ. раб. С. 186.

⁸⁰ *Корш Е. Ф.* Опыт нравственной характеристики Румянцева//Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. Вып. 1. С. 6.

⁸¹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Л. 162 доп. Л. 60.

The Rumyantsev's Group and the Beginings of Ethnographic Science in Russia

Count N. P. Rumyantsev (1754—1826) after his retirement from the post of the State Counsellor in 1814 had organized and financed a number of research projects, uniting outstanding scholars, historians, geographers, ethnographers and linguists (A. F. Malinowski, K. F. Kalajdovich, P. M. Stroyev, P. I. Koeppen, F. P. Adelung, F. I. Krug, A. M. Sjogren, I. F. Krusenstern, A. Kh. Vostokov, M. P. Pogodin among others) in attempt to collect, study and publish diverse sources on Russian history. The author of the article deals with the history of research expeditions, initiated and sponsored by N. P. Rumyantsev and his associates.

E. A. Barysheva

© 1994 г., ЭО, № 3

Н. А. Супрун

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ГНАТА ХОТКЕВИЧА

Гнат Мартынович Хоткевич был неутомимым исследователем художественной культуры Украины. Его жизненный путь начался в Харькове 31 декабря 1877 г. 8 октября 1938 г. в застенках харьковской тюрьмы этот путь трагически оборвался, после чего пришло 20-летнее забвение.

Гнат Хоткевич — многогранный деятель, прогрессивный художник, который комплексно разрабатывал то великое, что мы называем народным творчеством, гуманист, отстаивавший идею общечеловеческого в искусстве, артист и ученый, великий труженик-патриот. Оказавшись на высоте требований своего времени, он способствовал зарождению нового содержания и новых форм в украинской культуре. В этом отношении Г. Хоткевича можно назвать создателем цельной художественно-эстетической системы в познании и развитии украинского искусства, продолжателем дела великих украинских просветителей — Феофана Прокоповича, Григория Сковороды, Тараса Шевченко, Ивана Франко.

Этого европейски образованного человека надо поставить в один ряд с классиками украинской науки — Михайлом Грушевским, Николаем Сумцовым, Агатангелом Крымским, Владимиром Винниченко. В традиционной народной культуре Г. Хоткевич сумел увидеть огромный источник для творческого и научного вдохновения. Он первый за несколько лет до общепризнанных первооткрывателей Белы Бартока и Золтана Кодаи глубоко заинтересовался не просто массовым народным творчеством, а профессиональной деятельностью народных